

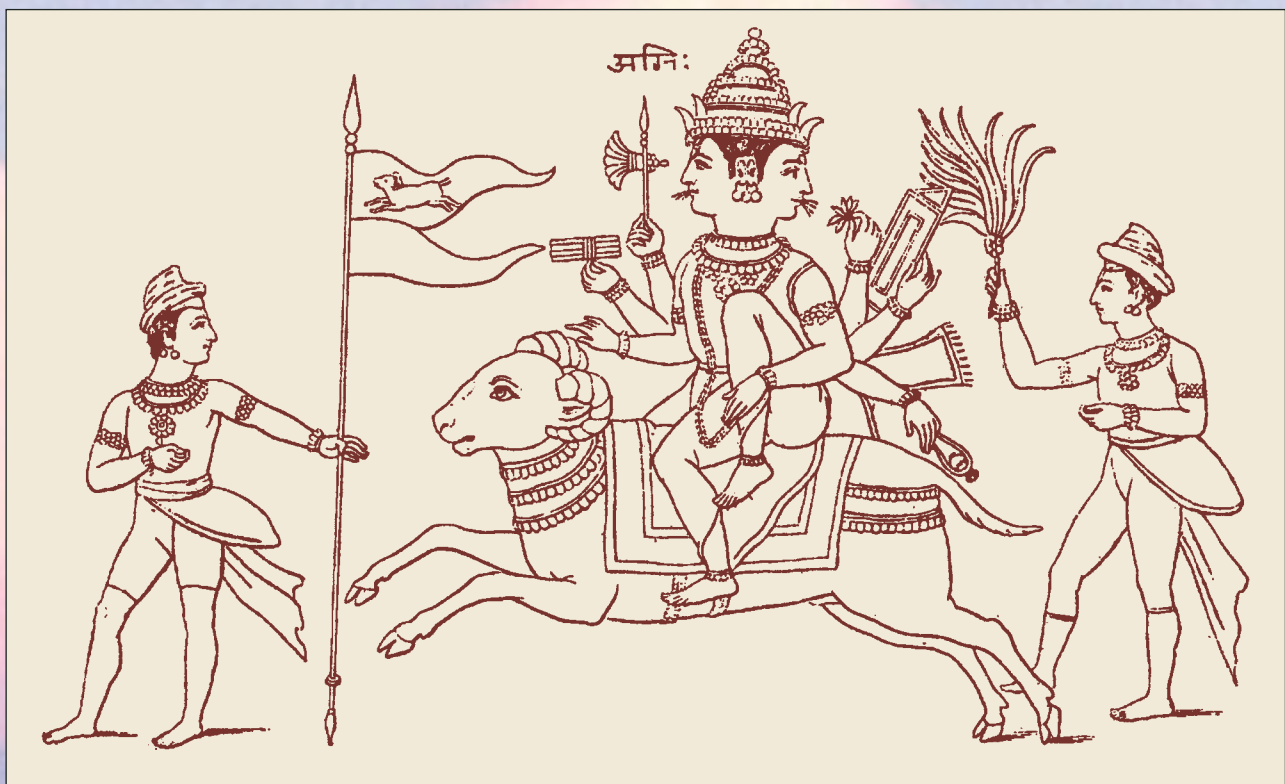

Восток – Запад

Е.Н. Молодцова

Танец огня в Ригведе

В чем разница в восприятии мира и его феноменов человеком современной технологической цивилизации и человеком, погруженным в традиционную культуру? Как эти столь разные люди мыслят себе сохранение своего экологического равновесия с миром? В поисках ответа на эти вечно животрепещущие вопросы обратимся к огромному массиву уходящих корнями в третье тысячелетие до н.э. древних текстов Ригведы, выбрав для анализа и реконструкции гимны, описывающие мир огня – первый и важнейший из множества священных миров Ригведы. Странным покажется нам полученный с помощью реконструкции мир, но следует помнить, что Ригведа до сих пор входит в традиционный индийский список из восемнадцати наук или областей знания: четыре *Веды* (Риг, Сама, Яджур, Атхарва), шесть *Веданг*, которые являются вспомогательными дисциплинами для изучения *Вед* (фонетика, просодия, грамматика, этимология, астрономия, ритуал), четыре *Упаведы*, то есть науки, дополняющие Веды (медицина, военное искусство, музыка, наука о ремесле или архитектура), *пураны* (эпические поэмы с мифологическим содержанием), *итихасы*

Агни, Бог Огня. Средневековое изображение

(предания), *ньяя* (наука о правильном рассуждении, логика), *миманса* (философская система, занимающаяся интерпретацией ведических текстов и ведического ритуала). Известны и другие списки восемнадцати наук, в каждом из которых мы непременно обнаружим Ригведу.

В этом огненном мире без бога огня, Агни, невозможен никакой ведический обряд. А без обрядов немислима жизнь арийских племен, границы поселений которых обозначаются и охраняются постоянно возжженными жертвенными огнями, надежно отделяющими своих от чужих, от других, *инаких*. В противовес нашему открытому, общему для всех космосу, Ригведа конструирует космос *своих*, защищенный от враждебного внешнего мира кольцом вечно горящих огней. Страшным наказанием, к которому прибегали крайне редко, лишь в случаях грубого нарушения принятых жестких норм огненного мира, было изгнание отдельных индивидов во враждебный и неупорядоченный мир, за пределы защищающего, отделяющего человека от хаоса круга огней.

Первое правило обращения с огнем состоит в том, что огонь не должен никогда умирать, потухая. При каждом потухании он стареет, как всякое живое существо. Чтобы избежать старения

божественного Агни, арии переносили его с места на место, непременно зажигая один костер от другого. Любопытно отметить, что в современной Японии продвинутые мастера традиционной, строго регламентированной чайной церемонии всегда оставляют в очаге горящие угли, чтобы назавтра зажечь только от них новые угли для проведения правильного чайного ритуала.

В этом окруженном и обозначенном огнями мире все силы природы оживлены, очеловечены и обожествлены. Собственно говоря, разница между ними невелика, и уж точно между силами природы, людьми и богами нет той непродолимой стены, которую неизменно возводят меж ними представители позднейших поколений. Ригведа помнит еще то время, когда человек смотрел на богов как на стадо скота на богатом пастбище, ибо тогда поколения богов были рядом с ним¹. Я цитирую здесь и далее отрывки из гимнов Ригведы не по принятому в нашей индологии академическому русскому переводу Т.Я. Елизаренковой, но по старому английскому переводу немецких классиков индологии Макса Мюллера и Германа Ольденберга, изданному в *The Sacred Books of the East*². Дело в том, что научный перевод требует прежде всего дословной точности, и эту задачу Татьяна Яковлевна выпол-

¹ Ригведа. VI. 3.18.

² *The Sacred Books of the East*. V. 32, 46. Oxford, 1891.

нила с присущим ей блеском, но при этом исчезает поэтическая прелесть древнего текста, а зачастую затемняется, отходя на второй план, и его духовный смысл. Немецкие же индологи старой школы в своем переводе сохраняют красоту и стиль подлинника, его культурный смысл. В итоге мы имеем в переводе с ведического санскрита два совершенно разных текста. Если бы я начала знакомство с Ригведой с академического русского перевода, то этот прекрасный древний памятник вряд ли меня бы так заинтересовал. По счастью, мне в руки вначале попал перевод Макса Мюллера и Генриха Ольденберга, навсегда очаровавший меня своей поэтичностью и глубоким смыслом. И здесь вспоминается история, приключившаяся с тибетским Учителем школы кагью, Наропой, настоятелем университета-монастыря в Наланде. Наропа снискал здесь высочайший почет глубиной своих проповедей и обширностью познаний в философии и в других буддийских науках. Но вот однажды, когда наш герой, полный книжной учености, в тишине размышлял над очередным священным текстом, на него вдруг пала тень великой богини Ваджраварахи, представшей на сей

раз в облике ужасной старухи. Старая карга бесцеремонно заглянула через плечо Наропы и спросила, чем же он здесь занимается. Прекрасно воспитанный Наропа вежливо ответил ей: «Я изучаю книги». «Но понимаешь ли ты их?» «Да». «Ты понимаешь слова или смысл?» «Слова», – честно ответил ученый. Старуха ужасно обрадовалась. Чтобы доставить ей еще большую радость, Наропа сказал, что понимает также и смысл. Божественная ведьма залилась горькими слезами. Когда любознательный Наропа пожелал выяснить причину ее бурной радости и горьких слез, Ваджраварахи ответила: «Я радовалась потому, что ты, великий ученый, не солгал, сказав, что понимаешь только слова. Но я опечалилась, когда ты солгал, сказав, что понимаешь и смысл, хотя на самом деле ты его не понимаешь». «Но кто же тогда понимает смысл?» «Мой брат Тилопа», – сухо ответила старуха. И расстался тогда с сытой, отлаженной жизнью Наропа, и, осознав ограниченные возможности слов, ринулся он на поиски Учителя и смысла, а это, как известно, занятие пожизненное и крайне опасное, переворачивающее всю жизнь человека.

Ведические мудрецы приходят за священным знанием к Брахме. Средневековое изображение

Отправимся и мы вслед за Наропой на поиски смысла древнего текста. Мир, в котором боги и люди живут рядом друг с другом, свойствен многим древним культурам. Посредником и связью между земным и небесным мирами обычно является центр мира, обозначенный либо высоким столбом, или мировым деревом, либо священной горой. В Индии и в Тибете такой горой и поныне почитается Кайлас, становой хребет и центр мира. А еще в древних культурах существовала серебряная нить. Древнее тибетское учение Бон утверждает, что это небо изначально было связано с земным миром тонкой нитью из сверкающего серебра, ее называли му. Благодаря этой нити люди на земле не умирали, а когда кончался срок их земной жизни, поднимались по этой нити прямо на небеса. В таком путешествии людям помогали жрецы клана Дму, мастера веревки и лестницы, сопровождавшие людей в столь опасном путешествии. По этой же нити небожители могли свободно нисходить к людям. Но однажды простолюдин Логам Тадзи острым мечом перерубил священную нить и убил царя Тригума Цэнпо. Так на земле оказалось первое мертвое тело.

В соответствии с законом кросскультурного взаимодействия идей, запечатленных в ноосфере, в Ригведе объединены в единую слаженно функционирующую экосистему люди, боги, силы природы. Узы дружбы до сих пор связывают людей и богов, а также все обожествленные, оживотворенные и обоготворенные природные явления. Однако такое восприятие мира и такой ход мысли отнюдь не чужды человеку и нашей эпохи, по всей видимости вынужденному возвращаться к своим первоистокам. Укажем на представления современной геофизики о вакууме как энергии Вселенной, которая входит и выходит, как вдох и выдох земли, причем Земля представляется дышащим живым существом. И тогда нам не покажутся странными зафиксированные в Яджурведе – вехе развитого ритуала – речи Земли, произнесенные ею, когда бог Праджапати желал сложить огонь, но Земля ему сказала, что не следует складывать огонь на Земле, так как таким действием он ее сильно обожжет. А будучи сильно обожжена, она будет вынуждена стряхнуть его, и он окажется в состоянии, достойном лишь жалости. Праджапати понял, что он должен действовать так, чтобы не обжечь Землю слишком сильно и не повредить ее жизненную энергию³. Заметим в скобках, мудрецы Китая утверждали, что, вскапывая Землю, можно повредить ее жизненную энергию, ци. В сис-

теме буддистских взглядов возникновение землетрясений по сей день объясняют тем, что накопления дурной кармы людей превышают допустимую меру, превалируют над накоплениями благой кармы. Иными словами, Землю трясет от того, что грехи людей стали чрезмерны. Нарушен экологический баланс, нанесен громадный ущерб земному и небесному мирам, земле и ноосфере, земле и космосу, а потому они – будучи живыми существами – вынуждены защищаться доступными им средствами: землетрясениями, наводнениями, пожарами и оледенениями, а также всевозможными катастрофами, поскольку мера допустимого человеческого воздействия на них многократно превышена. Видение феноменов природы не как мертвых объектов человеческого воздействия, но как живых и равных партнеров всеобщего взаимодействия находит свое отражение как в правилах ритуала, так и в правилах повседневной жизни, в которой люди, боги и феномены природы являются равноправными партнерами, образуя единую экосистему.

Современный человек, то есть человек *потерянный*, в терминологии современных экзистенциалистов, произвольно вырвался из живой системы взаимосвязей, он вообразил себя господином и властителем природы и тем самым уничтожил в себе живое чувство природного мира, способность сопереживания вместе с миром, и это превратилось в кардинальную ошибку в системе мировоззрения и в системе действий.

В противовес таким взглядам учение древней тибетской религии Бон, предшествовавшей буддизму, утверждает, что возникшая из Великой Творящей Пустоты Земля лишь вначале была безводной и мертвой пустыней, но вскоре после ее появления на свет на ней возникли пять тонких элементов: *земля, вода, воздух, огонь и эфир*. Вслед за первоначальными элементами пришли к бытию животворные воды, которые и породили всех населяющих Землю живых существ, включая человека, так что выражение *мать-земля* обрело совсем не метафорический, но буквальный смысл. Далее изначальные животворные воды стали кровеносными сосудами в теле Земли и на ее поверхности, превратившись в океаны, озера, реки и источники, и тело Земли стало живым организмом.

А весь наш космос, согласно общепринятой сегодня физической теории, возникает из вакуума, то есть из той самой Пустоты, из ее энергии, которая может быть как творящей, так и разрушающей. И здесь седая древность перекликается с самой продвинутой современностью. Уже Риг-

³ Яджурведа. V. 2–5.

веда говорит об Адити, Великой Пустоте и Несвязанности ничем. Адити делает человека безгрешным, полностью стирая все его грехи. В этой Пустоте умерший встречается со своими ранее умершими предками, поскольку в Адити все всегда живы. Она вбирает в себя все и все творит из себя, она самодостаточна и неуничтожима. В дальнейшем буддизм подхватит эту древнюю идею Сияющей Творящей Пустоты как первоосновы космоса и любого из его феноменов. Творящая Пустота является живым существом, соответственно все производимое и уничтожаемое ею оживотворено, так как живое не может произвести неживое. Как говорят отцы христианской церкви, «в Боге все живы». Со времен Ригvedы и вплоть до замены культуры на научно-техническую цивилизацию все природные феномены воспринимались как живые существа, дышащие, чувствующие, любящие и ненавидящие, великодушные и мстительные, требующие соответствующего обращения с собой.

Это уже много столетий спустя человек создает для себя техногенную среду, мир умных, но неживых машин и сознательно низводит себя до уровня машины. Этот новый кодекс веры в XVIII веке зафиксировал французский философ Ламетри в своем трактате «Человек-машина». Правда, этот труд, как и другие его произведения, тогда публично сожгли, однако рукописи, как известно, не горят, поскольку их идеи носятся в воздухе, точнее – в ноосфере. Природа и ее феномены низводятся в техногенном мире до уровня неживых, а человек без всяких видимых причин объявляет себя господином природы и приводит в доказательство правомерности своих притязаний единственный аргумент – обладание знанием. Знание есть сила, как сформулировал гениальный англичанин Фрэнсис Бэкон. Но именно о таком типе знания и о таком его носителе говорит буддийская «Дхаммапада», утверждая, что когда глупец на свое несчастье овладевает знанием, оно уничтожает его удачливый жребий, разбивая ему голову. Дело в том, что философ лишь фиксирует ставшее очевидным изменение мировосприятия, тогда как исходные импульсы этого изменения гораздо ранее наличествуют в ноосфере или, что то же самое, в *алайвиджняне* буддизма, в одной из важнейших структур Космоса, импульсы которой из абстрактных спекуляций немедленно превращаются в парадигмы знания и действия.

В. Черволенко. Дух Огня

В традиционной культуре, запечатленной в тексте Ригvedы, парадигмы знания и действия иные, здесь творец гимнов Ригvedы – лицо, наделенное прежде всего божественной способностью видения, *dhi*, и способностью выражения своего видения в священной речи, *Brahman*. Иными словами, этот человек наделен тем, что мы сегодня обозначаем словом «талант». Искусство поэта-жреца выступает как общий язык, формировавшийся в стародавние времена и являвшийся в те времена единственным языком, несущим в себе все человеческие знания, которые нуждались в словесном выражении.

Наделенный такими способностями поэт-жрец Ригvedы встает на восходе солнца, божественными танцующими шагами входит в очерченный кольцом священных огней круг, встает посреди людей и богов и восклицает: «Взлетают мои уши, взлетает глаз, взлетает этот свет, что

Б. Смирнов-Русецкий. Космическое Пламя

заложен в сердце. Воспаряет моя мысль, устремившаяся далеко. Что же скажу я, что же придумаю?»⁴ Способность жреца импровизировать в нужный момент нуждается в постоянной тренировке, ведь поэт должен не повторять нечто уже известное, но действительно *здесь и сейчас* создать свое и новое, войти в творческое состояние, то есть подключиться к ноосфере, уловить космические импульсы и дожидаться того прекрасного мгновения, когда бог творчества, великий и прекрасный Агни вложит в уста кружащегося в священном танце жреца вновь созданный гимн, который, в свою очередь, придаст новое совершенство богу Агни. Творческий процесс поэта-жреца в Ригведе, где все феномены и бо-

жества полифункциональны, происходит всегда на фоне зажженного огня, которым является Агни – бог, получивший при рождении все поэтические дарования, причем по вспышкам вдохновения Агни превосходит самого искусного жреца. Отметим, что вдохновение – *вдохнуть* что-то в кого-то – всегда идет вспышками и практически во всех культурах прочно ассоциируется с огнем. И что же дает зажженный огонь поэту-жрецу? Неиссякаемую жизненную силу. Эту постоянно обновляемую, неиссякаемую жизненную силу, вечно подкрепляющую оживотворенный, не ведающий мертвых существей, состоящий из природных феноменов, богов и людей мир, и несет изо дня в день творящий свя-

⁴ Ригведа. VI.9.6.

щенный ритуал жрец. Его творческий поэтический мир живых постигается лишь живым чувством сопричастности ему, но никак не мертвым рассудком. Рассудком он непостижим, потому что живое выше рассудка.

Арийские племена признали Агни первым исполнителем жертвоприношений, соединяющих мир земной и небесный. Боги, точно так же как и люди, зажигают Агни, ибо это непреложный закон, который, как и всякий космический закон, един для богов и людей. Космический закон умножается, когда в ходе жертвоприношения раскрываются неиссякаемые божественные врата, танцующей походкой выходят боги и на жертвенной соломе возникает мир бессмертных. Ради этого великого единения человека и Космоса божественный жрец огня исполняет свой неизменный жертвенный танец, совпадающий с космическим ритмом. В такой момент жрец пребывает в измененном состоянии сознания и практически не отличим от сумасшедшего. Этот феномен внутренне присущ всякому истинному творчеству. Например, биограф гениального пианиста нашего времени Глена Гульда свидетельствует о способности обновления своего героя в момент мистического прозрения и полагает, что в этом можно увидеть мудрость, но можно и безумие. Именно такого совпадения достигают гении мира искусства. Монсенжон полагает, что опыт Гульда сродни религии. Занятый в божественном ритуальном танце жрец творит свой особый мир, который можно назвать виртуальным, и мир этот множественен, так как включает в себя множество возможных миров. Виртуальные миры отнюдь не являются изобретением нашего компьютерного века, человечество творило и творит их на протяжении всей своей истории, так как человек всегда живет одновременно во множестве миров, в которых нельзя обнаружить различие между виртуальным и реальным. Действия вошедшего в космический ритм жреца не подлежат анализу науки, ибо они являют собой великое Искусство, живущее по собственным законам. В своей книге «Тяжесть бытия» мистик и визионер Жан Кокто утверждает, что Вселенная пронизана таинственной энергией, которая проявляется только через художественное творчество, тогда как медлительная наука иногда помогает человеку, но никогда не тревожит богов, она не слишком беспокоит неведомое, и неведомое оставляет ее в покое. В ритуале жрец свободен лишь в творческом создании

как можно более прекрасного гимна, который уладил бы утонченный слух богов своей лучшей, только что созданной песней, способной созвать бессмертных на жертвенное пиршество.

В остальном человек должен в точности воспроизвести установленный от века образец своего действия без права внесения в него каких бы то ни было корректив, с максимальной точностью воспроизвести то, что было установлено первочеловеком Ману как первообразец действия, направленного на поддержание связи с богами и тем самым на упрочение космического закона. Всякое действие человека должно и может согласоваться с космическим законом, *rita*, ведь человек мыслится в Ригведе не столько как существо земное, сколько как существо космическое. А возможность такого согласования обеспечил первопредок Ману, давший лю-

дям незыблемые правила, в том числе обряд жертвоприношения, порождаемый все тем же единым для всех людей, богов и Космоса мировым законом. В преданиях говорится о многих Ману, первый из них происходил от главы богов самосущего Брахмы и был прародителем всего живого на Земле. Однажды, набравшись достаточной храбрости, великие мудрецы, *риши*, слагатели гимнов Ригведы, смиренно приблизились к погруженному в медитацию Ману и попросили его

изложить *дхармы* четырех *варн*, поскольку только Ману был открыт смысл всех предписаний. Мудрейший из предков любезно удовлетворил их смиренную просьбу.

Ведущей темой в этом мировоззрении является не чудо нововведения, но точное следование традиции, постоянное точное воспроизведение однажды заданного образца действий, согласующихся с ритмом великого вселенского закона. Впрочем, чтобы уберечься от греха, который и есть нарушение вселенского закона, то есть экологического равновесия, следует, согласно еврейскому мудрецу Акавии, сыну Махалалея, усвоить всего лишь три вещи: знай, откуда ты идешь, куда ты направляешься и перед кем ты должен держать ответ. Современный человек выпал из этого контекста и стал уничтожать себя и мир.

И сегодня мы задаемся вопросом: Ригведа – это давно преодоленное нами детство человечества, или же ее текст несет драгоценный для нас отголосок мудрости живой поэзии древних миров?